

РОВНО сто лет назад, 28 октября 1910 года Лев Толстой ушёл из Ясной Поляны. «Когда эти слова впервые появились в заголовках газет, они тотчас получили особый оттенок – тревожный и роковой. Не уехал, а ушёл, то есть что-то бросил, с чем-то порвал, сделал шаг, важный не только для него, но и для человечества», – спустя годы напишет об этом факте русский поэт Владислав Ходасевич.

Через несколько дней, 7 ноября, от скоротечного двустороннего крупозного воспаления лёгких великий писатель скончается на станции Астапово Тульской губернии. Траурный поезд привезёт его на ближайшую к Ясной Поляне железнодорожную станцию – Козлова Засака (здесь сейчас действует редакция восточной редакции «Войны и мира», «Анна Каренина», «Детство», «Воспоминания», «Холстомер»).

Страстный любитель лошадей, охотник, франт в первой половине жизни, мучительно менявший свои принципы, сложно принимавший новое, отказывавшийся от старшего, граф-пахарь, граф-учитель

всего находившегося в доме, который практически сразу после смерти Льва Николаевича стал музеем: в него пошли люди, желавшие видеть, где и как творились «Война и мир», «Анна Каренина», «Детство», «Воспоминания», «Холстомер».

Могила Толстого – небольшой ухоженный холмик, возвышающийся на краю оврага среди берёз, сосен, елей. Ни таблички, ни креста, ничего другого, что бы свидетельствовало, кто под ним покоится. Так хотел Лев Николаевич – быть рядом с так и не найденной им «зелёной палочкой», которая осчастливит всё человечество. Немногочисленные цветы по краю холма, да в изголовье едва различимая церковная свеча (Софья Андреевна всё-таки заказала по мужу панихиду, хоть и отношения с церковью у писателя были не самые простые). Протопанная тысячами ног тропинка и благословенная тишина.

Ясная Поляна, кажется, замерла в том состоянии, как оставил её великий писатель. Поместье предков, где родились все его дети, где прошли самые счастливые и самые тягостные годы его большой жизни, увековечено в томах его произведений. Дом, где жила большая семья, сохранён в точности, как это было в 1910 году. Пережившую Толстого на девять лет Софью Андреевну нынешние хранители памяти писателя называют первой музейщицей. Оставшиеся годы, как, впрочем, и предыдущие сорок восемь лет совместной жизни, она посвятила своему великому мужу – составила подробнейшую опись

■ СОКРОВЕННОЕ

Такая Ясная Поляна

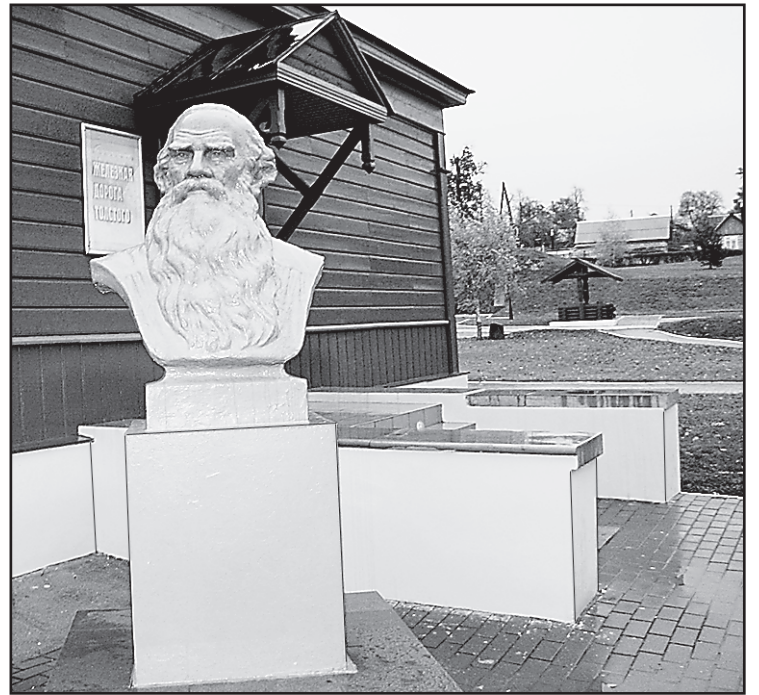


крестьянских детей... Всё это сегодня можно увидеть, попытаться понять и почувствовать в Ясной Поляне, где по сей день жив великий дух. Он жив в аскетизме убранства графского дома, в тысячах томов книг, которые стоят здесь повсюду, в живописных полотнах и при-

жизненных фотографиях писателя, его детей, близких.

Сотрудники музейного комплекса, занимающего несколько сот гектаров, особо гордятся тем, что в доме-музее Толстого абсолютно все экспонаты подлинные. Оговариваются, что только одна книжная полка сгорела, и потому – новодел. Удивительно, что даже стоявшие в Ясной Поляне осенью сорок первого немцы не стёрли поместье с лица земли. Кто говорит, что не успели (вовремя подошли части Красной Армии), кто считает, что рука не поднялась... Но как бы то ни было – всё убранство графского дома, пережившее войну в Томске, живёхоньким и невредимым вернулось на свои исторические места.

Как и многие русские писа-



которые отношения переросли в дружбу, некоторые остались ярким пятном в судьбах. Напротив большого обеденного стола всё в той же зале – работы неизвестных художников, запечатлевших именитых предков Толстого: в его родословной переплелись линии знаменитых фамилий России – Волконских, Голицыных, Трубецких, Еропкиных...

Бьют старинные часы, которые десятилетия отмеряли яснополянскую жизнь огромной писательской семьи и их гостей. Им почти три столетия. Идут, пережив последнего владельца уже на век. Помнит его и турник, где, будучи уже в почтенном возрасте, Толстой продолжал с усердием и удовольствием заниматься физическими упражнениями, удивляя и восхищая молодых. А вот берёзовая аллея – из новеньких: век берёзы недолог. И знаменитые яблоневые сады обновляются. В прошлом году итальянцы подарили сотни особых «толстовских» саженцев яблони, правда, суровую подмосковную зиму пережили далеко не все.

Нынешние «хозяева» усадьбы во главе с праправнуком писателя Владимиром Ильичом Толстым говорят, что она хороша в любое время года, но кажется, что именно осенью Поляна особенно ясная, прозрачная, чистая, свежая, немужейная. Настоящая. Какой она и была при Льве Николаевиче и Софье Андреевне. Так же переваливаются холёные гуси, важно гуляют по полям лошади, утопает в золотом листопаде берёзовый мостик...

Несколько лет назад в серии ЖЗЛ вышла новая книга о жизни и творчестве столпа русской литературы. Начинается она со строк, посвящённых Ясной Поляне, которые многое, наверное, объясняют. «Это уже инстинкт – наступает сентябрь, и русские писатели, как птицы на юг, тянутся в Ясную Поляну. Повод внешний – «Писательские встречи» по случаю дня рождения Льва Николаевича. А на самом деле – острая тоска по цельности, по живой, земной, крепкой, полной, как будто ускользающей, истекающей из нас сегодня жизни. Слово мы теряем её плоть, и она остаётся где-нибудь в Михайловском, Спасском, и вот в Ясной, и надо успеть застать её».

Наталья ПОДКОРЫТОВА.
НА СНИМКАХ: бюст писателя у музея-вокзала на Козловой Засаке; берёзовый мостик; могила Толстого; комната Льва Николаевича в Ясной Поляне.

Фото автора.

